

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ЭССЕ О РАСЧЕТЕ И ЛЮБВИ СПБГПУ

Человек обладает определенным коммуникативным потенциалом, т.е. определенным объемом содержания сознания, объемом идей, мыслей, суждений, которые человек способен сформулировать и сообщить другим людям (и принять сам от других людей) устно или письменно, в какой-нибудь знаковой системе. При этом должно быть достигнуто взаимопонимание. Этот коммуникативный потенциал сам по себе представляет некую целостность, но реализуется по долям (сегментам), в соответствии с наличием партнеров по коммуникации, различающихся по уровню понимания и степени доверительности со стороны данного человека. Иначе говоря, люди, как правило, дифференцируют свое общение с окружающими в зависимости от того, кому и что можно сообщить, что и с кем можно обсуждать. В зависимости от характера общения, в которое включен человек, реализующиеся доли (сегменты) его коммуникативного потенциала могут быть большими и маленькими, – здесь предполагается, что каждому партнеру коммуникации, будь то отдельный собеседник или группа участников общения, соответствует своя доля (сегмент) доступного для них коммуникативного потенциала. Из этого следует, что степень реализации коммуникативного потенциала человека определяется, в первую очередь, составом его коммуникативной среды (интеллектуальное, экзистенциальное, профессиональное, семейное и другие виды и формы общения), т.е. наличием или отсутствием таких партнеров коммуникации, общение с которыми основывается на максимуме доверия и минимальных ограничениях предметного содержания. Предположить существование такого партнера коммуникации, с которым обсуждалось бы все без исключения, можно лишь гипотетически, – таким абсолютным партнером является сам человек, коммутирующий с самим собой, а образование второго “Я” в виде реального субъекта невозможно в принципе, поскольку человек абсолютно доверителен и полностью открыт лишь в отношении к самому себе. Соответственно, чем больше у человека партнеров коммуникации, пользующихся высокой степенью доверительности, тем легче (но не полнее) реализуется его коммуникативный потенциал, хотя в принципе для этого достаточно и одного друга, но друзья не всегда находятся рядом. Здесь важно понять главное – само по себе количество партнеров коммуникации не определяет степень реализуемости коммуникативного потенциала человека, он может непрерывно общаться (формально и неформально) с большим числом других людей, но при этом оставаться с нереализованным коммуникативным потенциалом. *Синонимом нереализованности коммуникативного потенциала является одиночество.*

Кому-то достаточно душевных бесед и обмена новостями на скамейке около подъезда, общения по интересам и т.д. Но это не затрагивает существенных характеристик человека.

С позиций техосоциальной формулы (см. работы В.П. Горюнова) человеческое переживание (ощущение жизни) есть отражение борьбы за выживание. Но в этой борьбе невозможно победить, человек остается в одиночестве перед лицом вечности, бесконечности и необоснованности (бессмысленности) своего существования. Само выживание рационально не обосновать. Здесь человек теряет самого себя, но все же стремится себя обосновать. Это осуществляется по двум путям: 1) На пути к другому, к слиянию с другим “Я”. 2) На пути к Богу как некоему всеобщему “Я”. В обоих случаях теряет значение тот факт, что человек смертен, недостаточен и т.д.

Любовь (и к другому человеку, и к Богу) – это не переживание борьбы за существование, это само существование. Любовь к человеку предполагает всю полноту жизни, в том числе и борьбу за выживание. Любовь здесь дает главное – ощущение того, что человек не одинок в этой борьбе; более того, сама борьба обретает смысл вне самого человека, поскольку она ведется ради другого человека. Любовь к Богу тоже дает утверждение человека в существовании, но как уход от борьбы за него, как возвышение над ней.

Любовь – это не коммуникация и даже не отношение к чему-то внешнему, это внутреннее состояние. Освобождение от любви – это не прекращение коммуникации и не пересиливание отношения, это выход из состояния, перестраивание, переламывание, убеждение себя. Трудность освобождения от любви – это трудность именно внутренней перестройки. Термин “освобождение” здесь подходит, ибо любовь это добровольное рабство, освобождение от любви – это освобождение от рабства.

В чем же пленительная сила любви, чем она приковывает одного человека к другому, что мешает освобождению от нее? В любви человек обретает второе “Я”, без которого он сам неполон, т.е. в любви человек обретает самого себя, потеря любви есть потеря самого себя. Человек может освободиться от любви только с обретением другого “Я”, своим новым рождением в другом “Я”. У разных людей это происходит по-разному.

Возможно ли обойтись без расчета? И что понимать под расчетом?

Расчитанное отношение предполагает превышение получаемого над отдаваемым. Точнее – речь идет вообще о возможности получения чего-то (какого-то блага). В этом смысле все отношения строятся на расчете, ибо отношений, основанных только на отдаче блага, не существует. Другое дело, что формы блага самые разные.

Таким образом, вопрос состоит в том, кому и что нужно? Кому-то нужна эксклюзивная доверительность, которая необходимо включает в себя и эротическое содержание. Без него не будет эксклюзивности в доверительности. А доверительность без эксклюзивности – это уже нечто коллективное. Стремление к такому отношению не обязательно называть расчетливым. А когда стремления к эксклюзивной доверительности нет, но

есть стремление к получению чего-то вещного, то такое стремление расчетливо. А стремление только к эротическому без доверительности – это просто организмическое влечение, не связанное с сущностным пониманием человека. Например, отношение к проститутке – неважно, общего пользования или персональной в лице зависимого, например, по службе, человека.

Возможна абсолютная расчетливость. Холодная. Только брать и ничего не отдавать. В отношении всех. Степень сближения в зависимости от степени нужности. Рациональность, доведенная до логического конца, до крайности, переходящая в примитивность. Потому что абсолютная истина примитивна. Главное здесь – непонимание объективной противоречивости. Это неспособность найти оптимум между невозможностью вечного двигателя и вечным стремлением к его созданию.

Рациональность – недопущение сомнения, а значит, и сильной веры. Чистый рационализм – это попытка найти абсолютную точку отсчета (опору). Но в хаосе ее нет, нет определенных координат. Поэтому постоянная конфликтность с окружающей средой, которая никак не укладывается в расчетную схему. И дело даже не в схеме как таковой, а в эгоистичности ее построения. Т.е. неукладываемость окружающей среды в схему означает просто ее неподчинение рациональному субъекту – эгоисту. Фундаментален эгоизм. А рационализм (или иррационализм) – это всего лишь путь эгоистического самоутверждения. Конечно, это может быть (и бывает) неосознанно.

Жизнь без мечты – это жизнь сугубо в реальности, реальностью. Рациональность – это жизнь в реальности, жизнь без мечты. Но реальность не поддается нормативному расчету в силу ее объективной противоречивости по техносциальной формуле. То есть в реальности нельзя добиться успеха по правилам, успеха добиваются нарушители правил. Уход в воображаемую жизнь – это уход в иллюзию жизни по правилам. Итак, получаются варианты: *жизнь реальная по правилам*, обреченная на вечное недовольство в силу недостижимости достаточно высоких целей, на поиске виноватых за свои невысокие результаты; *жизнь реальная не по правилам*, приносящая результаты и удовлетворение, но жизнь так или иначе несправедливая, что осознается в той или иной форме, но не всегда, а возможно, и не часто, даже редко, то есть это наиболее результативная жизнь, соответствующая техносциальной формуле; *жизнь иллюзорная*, по правилам или без правил, это компенсация невозможности получить результат по правилам, это жизнь более приятная, но при условии достаточной результативности, это жизнь человека, способного на большее, но затрачивающего свою потенцию на воображение.

Рациональность состоит в том, чтобы не сделать ни одного непросчитанного шага, не сделать ни одного непродуманного движения. Рациональность как стремление делать только то, что приносит результат, а кроме того, толкает к сопоставимости своих и чужих действий по результативности и приводит к подозрительности, опасению в том, что

другие делают меньше, но получают больше. Рациональность такого рода в частной и общественной деятельности разная. Рациональность в этом толкает либо к крайнему индивидуализму, обособлению, либо к поиску минимизации своих затрат в общественном, где нет четко определенной нормативности.

Последовательная рациональность лишена сказки, куража. Сказка лишь как специальное средство воспитания, отдыха, т.е. такого же потребления, как, например, витаминов. Но рациональность объективно бесплодна, она не субъективна (см. работы О.Д. Шипуновой). А человеку должна быть присуща субъективность. Не расчет рационалиста, который все равно будет просчетом, а субъективность как миф, как игра, как просто кураж. Рационалист идет в казино (играет в азартные игры) за выигрышем или, в крайнем случае, за продуманным расслаблением. Это даже не игра по своей сути.

Раскрученная рекламой жизнь: потребности в общении уже нет, потому что общение нечем заполнить – не о чем говорить, потому что жизнь рационализирована, она перестала быть интеллектуальной проблемой. Остается голое потребление, а не процесс самой жизни. А потому уже не общение за кофе, пивом, сексом, а просто совместное распитие кофе, пива, занятие сексом и пр. Происходит эстетизация жизни.

Рациональность, доведенная до логического конца, – это обеднение, сужение до простого зарабатывания денег, когда какое-то дело без вознаграждения не рационально, т.е. бесполезно. Вообще-то по формуле это правильно, потому что только выживание рационально. Но есть еще проживание, ведь важно не только выжить, но и прожить. Лишение себя всего, что не рационально. Впрочем, на содержание детей тоже надо зарабатывать. А когда заработок неустойчивый, а вниз спускаться уже не хочется, тогда зарабатывание превращается в гонку, не имеющую финиша.

Последовательный рационализм вне морали как условности, как мифа. Он ориентирован только на конкретный результат. За тем, что нужно тебе, нельзя опоздать, надо быть первым (или вторым, третьим – в зависимости от степени важности). На то, что тебя прямо не касается, можно не обращать внимания в той мере, в какой действуют санкции к нарушителям порядка. То есть последовательный рационализм – это цинизм.

Рациональность – главная сила в овладении формой. В этом, прежде всего, интеллект и силен.

Любовные отношения: духовность и организмичность. Духовные отношения без организмичности (дружба) – здесь не обязательно эротическое наполнение. А если именно эротическое, то оно никак не может ограничиться духовностью. Просто может быть разделение по персоналиям: духовная близость (эротическая) с одним, а организмическая с другим. А в сумме – некая гармония, целостность экзистенции, переживания бытия.

Любовь – это состояние подъема, творческого вдохновения. Подъем сопровождает любовь. Без этого духовного сопровождения нет любви. Это чисто социальное явление, надстройка над организмическим. В природе этого не может быть.

Любовь, как потребность, возникает на определенном уровне социально-культурного развития (и общества, и индивидов). Это форма приобщения (идентификации) к общности с того момента, когда общество начинает атомизироваться, т.е. когда распадаются кровнородственные объединения (род, племя). Как человек сливал, отождествлял себя с родом, так оно сливается, отождествляет себя с другим “Я”. В этом плане интересны пары, живущие как союзники, как друзья, без создания фиксированной семьи. Наверное, это выражение свободы, страховки от возможного пересмотра отношений в качестве второго “Я”, возможность перемены этой идентификации в другом без каких-либо правовых осложнений в виде разделения имущества и т. п.

Вопрос о наличии или отсутствии любви как таковой некорректен. Более корректен вопрос о способности или неспособности человека любить.

Любовь – это самое человеческое чувство, через него осуществляется общественное осуществление человека. Человек, один противостоящий всем остальным, не может ощущать себя человеком. И раствориться не может в обществе в целом (кроме первобытного). Человек общественен через отношение к другим людям, с которыми человек себя идентифицирует. Человек становится человеком, а не рождается. Он может забыть свое становление и потерять себя, т.е. лишиться идентификации.

Любят друг друга (существуют друг для друга в качестве второго “Я”) не голые и безмолвные существа, а одетые, говорящие и что-то делающие (совершающие поступки) люди. Любят человека, а не тело, второе “Я” – это не второе тело, а вторая душа. Но образ всегда чувственен, без тела нет и второго “Я”. Каков же механизм этой хитрой диалектики? Тело и душа – как явление и сущность? Что привлекает одного человека в другом? С чего начинается влечение? При очном знакомстве – с внешнего вида, при заочном – с образа мыслей. В первом случае дорисовывается духовная сторона, во втором телесная. В том и другом случае складывается некий ожидаемый образ, подтверждаемый или отрицаемый в процессе дальнейшего общения.

Партнер и второе “Я” – противоречие. Что мешает соединению того и другого? Часто ли это бывает? Эротическое отношение ко второму “Я” сливается его со всеми остальными. Точнее – в партнерстве обнаруживается то, что второе “Я” обычное, как все. Партнерство неограниченно велико, а сколько может быть вторых Я?

Но можно и так: второе “Я” не самое лучшее, хоть интеллектуально, хоть эротически, не в этом дело, – оно единственное, как единственное само первичное (собственное Я), а потому не подлежит какому-либо сравнению, находится вне какого-либо сравнения. В отношении ко второму “Я” эротическое, несомненно, присутствует, но духовное в этом отношении главное, эротическое одухотворяется.

В отношении к второму “Я” присутствует опасение оскорбить (принизить) или себя показать принижено организмическим намерением. Но второе “Я” живет в этом качестве второго “Я” только в твоём сознании,

сам по себе это такой же, как и ты, человек, субъект, имеющий такие же организмические потребности, но скрывающий их, возможно, как и ты.

Возможные варианты:

Положительный – полное слияние, духовное и организмическое (возможно, когда-нибудь, где-нибудь это и встречается в реальной жизни).

Отрицательный – слияние только духовное, а организмическая жизнь у каждого своя, но даже не в постоянном, ранее установленном качестве чьего-то мужа и чьей-то жены, а разнообразная и насыщенная.

Слияние только организмическое второго “Я” не требует и к собственно человеческому существованию не относится.

Эротичность является основным проявлением жизни, она не может достигнуть насыщения. Независимо от того, много или мало было эротического ощущения. Эротическая потребность принципиально не может быть удовлетворенной. Поэтому творческая сублимация – это не замена эротического ощущения творчеством. Само эротическое переживание есть проявление творчества. Иначе говоря, творческие личности – это не обязательно сексуальные неудачники.

Ситуации, когда, казалось бы, любящие друг друга люди не понимали друг друга, но по какому-то недоразумению, которое надо было просто устранить, преодолеть. Но дело не в недоразумении, а в иллюзорности отношения к человеку как к своему второму “Я”. Любовь – это не отношение, а состояние отношения, которое очень легко разрушить со стороны. Человек не способен на абсолютное доверие, а только в этом случае он не допускает всяческих недоразумений непонимания своего второго “Я”, поэтому и само непонимание возникает, ибо человек не верит другому “Я”, потому что в себе видит зерно возможного отступления.

Ущербность личности – обидчивость, мнительность, подозрительность. А потому из боязни натолкнуться на нечто обидное превентивно ведут себя вызывающе, подчеркнута безразлично и даже недружелюбно. Тем самым сама склонность к тому, чтобы обидеть, причинить боль. Страдание другого “Я” компенсирует собственное страдание. Такое слияние (союз) двух “Я” очень непрочное, его легко можно разрушить намеком, ложью. Их отношения лишены подлинной доброты, самоотверженности, искренности. Это союз эгоистов. И если один член союза является цельной натурой, без комплексов, то ему достается изрядно, ему можно посочувствовать. Отношения эгоистов неровные, они требуют полного согласия и понимания. Но это невозможно.

В любви (слиянии со вторым “Я”) берут, а не дают. Во всех аспектах. Чем меньше в человеке тех или иных свойств, по которым стремятся к слиянию, тем меньше само стремление. Нельзя любить красивого, но глупого человека, ибо он как бы меньше человек; нельзя любить умного, но уродливого – то же самое. Потому что чего-то не будет хватать, чтобы взять. Конечно, в жизни встречаются всякие сочетания, но они всегда связаны с какими-то привходящими обстоятельствами, деформирующими естественное соотношение качеств людей. В отношениях двух ущербных людей преобладает мнительность, подозрительность, которая становится встречной,

которая любую размовку делает принципиальным расхождением, мешает снисхождению друг к другу, несет напряжение, похожее на страдание.

Слияние двух “Я”. Сначала видит и начинает стремиться к сближению кто-то первый. Он создает для себя образ и начинает привлекать к себе этого другого. Если это удастся, то и второй обращает внимание, отвечает взаимностью. Но если первый сочиняет образ по объективным показателям, то второй создает образ первого на основании его игры. Хорошо, когда все это происходит синхронно, но часто ли это бывает? А вообще поведение мужчин и женщин друг перед другом в аспекте второго “Я” есть игра.

Второе “Я” (совпадение двух “Я”) базируется на совпадении субъективности (требует совпадения, представляет собой совпадение). А сама субъективность представляет собой иллюзорность сознания. Самосознание – это отражение своего положения в социальном пространстве, но не просто созерцание, а переживание его. Но субъективность включает в себя и оценку других людей. Поэтому для совпадения двух “Я” надо, чтобы совпадали не только их самосознания, но и оценки друг друга. Но оценка другого определяется не по самосознанию другого, ибо чужое самосознание недоступно, его можно определить только в общении, по суждениям, но суждения могут быть просто игровыми. Оценка другого по его объективно выраженной (внешнее явление) данности. Для совпадения двух “Я” требуется совпадение не только их самосознаний, но и оценок друг друга. Здесь могут быть разные сочетания. И опять получается, что совпадение двух “Я” – это не совпадение готовых предметов, а взаимное творение (сотворчество) двух “Я”, их подгонка друг к другу. Как могут совпадать два “Я”, когда у обоих преобладает рациональность?

Секс и любовь – взаимоисключающие друг друга вещи в том смысле, что секс предполагает множественность, а любовь единственность, если их рассматривать с позиций сущности, совершенства, наиболее сильного выражения. Любовь без секса – нечто проблематичное, а секс без любви – сугубо типичное и на самых разных основаниях (союз, принуждение, насилие, покупка, развлечение, расслабление).

Мужчина видит в женщине некую тайну, стремление разгадать которую является основой влечения к ней. Когда женщина раскрывается вся, тайна остается нераскрытой. Стремление разгадать ее переносится на другую женщину. В конце концов становится понятно, что никакой тайны нет, потому что женское, как таковое, одинаково. Формы разные. Отсутствие тайны в одинаковости эротического удовлетворения. Стремление к новому, потому что удовлетворение одинаково. Но мужчина никогда не прекращает поиск, точнее – не перестает видеть нечто загадочное в незнакомых женщинах. Стремление к новому, неиспытанному как к чему-то другому, оказывается непреодолимо.

Любовь – это не отношение, а состояние, которое сугубо индивидуально. Взаимная любовь предполагает два состояния. Определить наличие взаимности сложно, поскольку всегда возможен расчет, точнее – без расчета просто не бывает. Следовательно, счастье любви именно в

состоянии, которое возможно и без взаимности. Любовь вообще странная штука.